

населению, уже усвоившему идеи шиизма. Больше аргументов требует и мнение, что суфийский орден *бекташи* вначале проповедовал верования, которые «не были связаны ни с крайней, ни с какой-либо иной формой шиизма» («Кызылбашская проблема»). Похоже, что уклон к шиизму можно распознать уже в легендарном описании Хаджи Бекташа. На его ладонях — «знак Али» («зеленая родинка»), на лбу — тот же знак, что украшает лоб Али. Это ясно указывает на веру в мистическое покровительство Али. Рассматривая сложный вопрос о среднеазиатских истоках *бекташизма*, И. И. Меликова приводит данные, подтверждающие несомненную преемственную связь орденов *бекташи* и *ясавия*. Этим, однако, не исчерпывается суть явления. Важно подчеркнуть, что в Малой Азии развитие пошло своим путем, и содержанием *бекташизма* стали местные воззрения, не свойственные среднеазиатскому мистицизму. Не случайно в Средней Азии суфийские ордена, также впитавшие в себя доисламские религиозные традиции, не сделались еретическими сектами.

Большое внимание И. И. Меликова уделила пережиткам шаманства. Ссылаясь на не вполне ясное сообщение Ибн-Баттуты (XIV в.) об употреблении гашиша в Алании, она предположила, что гашиш применялся для достижения экстаза во время шаманских обрядов. Однако такое заключение вряд ли правомерно: известные в соседних регионах формы шаманства гашиша не знают. Полученные в Средней Азии и Казахстане сведения об исламизированном шаманстве свидетельствуют, что и шаманы, и участники камланий приходили в экстаз без галлюциногенов. Вместе с тем в своих работах И. И. Меликова удачно раскрывает черты малоазиатского суфизма, восходящие к шаманским традициям. Ее статьи позволяют провести сопоставление сектантских традиций *бекташизма* с известным на сегодняшний день среднеазиатским материалом, что открывает дополнительные возможности для историко-этнографических изысканий. Так, близкая к турецким бекташам секта, широко распространенная в Иранском Азербайджане, называется «Чехельтен» или «Кырклар» («сорок»). Это название связано с образом 40 святых, которые кружились в экстатическом танце во время восхождения пророка Мухаммеда на небо. 40 святых чильтанов хорошо известны в Средней Азии и Синьцзяне, где они выступают в роли шаманских духов-покровителей или помощников. У *кызылбашей* Иранского Азербайджана почитание чильтанов получило отражение в названии секты; этот факт подтверждает вывод о важной роли 40 святых в доисламских верованиях населения Средней Азии и соседних с ней регионов⁴. Суфийские шейхи (*деде*, *баба*), по справедливому замечанию И. И. Меликовой, были преемниками прежних шаманов (*кам-озан*). Исходя из этого положения, можно попытаться разъяснить некоторые традиции *религии кызылбашей* из материалов среднеазиатского шаманства. Например, среди тюркского населения в районе Тебриза сектанты *али илахи* носят название «гёрен» (буквально «видящий»). Киргизское название обряда посвящения «кёзюн ачуу» (буквально «открытие глаз»; отсюда и «кезю ачык» — «ясновидящий», «прозорливец»)⁵ дает основание полагать, что слово «гёрен» имеет иносказательный смысл: «видящий [истину]». Туркменское выражение «Хыдыр гёрен» («видевший [пророка] Хыдыра») подкрепляет такое понимание термина.

Книга И. И. Меликовой представляет читателю итоги работы яркого исследователя, который блестяще сочетает сведения письменных источников с собственными этнографическими материалами. Эта книга интересна для всех, кто занимается мусульманским Востоком и вопросами истории религии.

Примечания

¹ Список публикаций И. И. Меликовой напечатан в томе XXI—XXIII, 1991, основанного ею журнала «Turcsica»; этот вошедший в себя три выпуска журнала том посвящен И. И. Меликовой в связи с ее 70-летием. Две статьи, вошедшие в рецензируемую книгу, опубликованы и на русском языке: О среднеазиатском происхождении суфизма Анатолии // Советская тюркология. 1988. № 5; Кызылбашская проблема // Советская тюркология. 1990. № 5.

² См. также: *Боролина И. В.* Хрестоматия по турецкому фольклору. М., 1987.

³ *Гордлевский В. А.* Из религиозной жизни кызылбашей Малой Азии // Избранные сочинения. Т. I. М., 1960. С. 255—256.

⁴ *Басилов В. Н.* Шаманство у народов Средней Азии и Казахстана. М., 1992. С. 246—274.

⁵ *Баялиева Т. Д.* Доисламские верования и их пережитки у киргизов. Фрунзе, 1972. С. 126.

В. Н. Басилов, А. Г. Осипов

© 1995 г., ЭО, № 3

Т. А. Воронина. Русский лубок 20—60-х годов XIX века: производство, бытование, тематика. М., 1993. 235 с. Этнологический альманах «Российский этнограф». Вып. 5.

Русский лубок издавна привлекал к себе внимание собирателей и исследователей. Однако изучался он главным образом историками культуры, литературоведами и искусствоведами. Менее всего была исследована экономика изготовления лубка и его бытование, т. е. этнографические аспекты изучения лубка. Рецензируемая книга как раз и призвана восполнить существующий пробел в изучении лубка с историко-этнографической точки зрения. Автор поставил перед собой задачу исследовать производство лубка, его бытование и тематическое содержание.

Хотя книга называется «Русский лубок», на самом деле в ней анализируется только изобразительный лубок. Литературный же лубок («лубочная книжка») остается за пределами монографии. Конечно, автор вправе ограничить себя тематически, но это следовало бы отразить и в названии книги, в настоящем же виде оно шире своего содержания.

Хронологические рамки исследования вполне оправданы. Т. А. Воронина совершенно справедливо отмечает малую изученность именно этого периода в более чем 200-летней истории лубка. Особо следует подчеркнуть новаторство ученого в привлечении к анализу уставов 1826 и 1828 гг., заложивших основу для всего производства изобразительного лубка. Ранее исследователи привлекали для анализа более поздние уставы 1839 и 1851 гг. — они имели большее значение для лубка литературного.

Известно, что изобразительные источники занимают видное место в культуре всех народов. Не случайно работает особый Комитет по этнографическому исследованию изобразительного материала при Международном обществе этнологии и фольклора Европы. Поэтому избранный Т. А. Ворониной объект исследования принадлежит к числу весьма важных (и в то же время редко привлекаемых историками и этнографами к анализу) источников. Все это существенно повышает научную значимость книги.

Проделанный автором анализ хорошо раскрывает значение изобразительного лубка в культурной жизни русского общества 1820—1860-х годов. В лубке отобразены духовные интересы трудящихся масс как города, так и деревни. Проникал лубок и в быт более образованных слоев общества, особенно в провинции. Перед нами предстает, таким образом, историко-этнографический источник, дающий возможность проследить как сохранение всевозможных устойчивых стереотипов в оценке жизни, так и возникновение динамических реакций на события текущей жизни.

Привлекает к себе внимание читателя и весьма примечательный интерес ученого к частному предпринимательству как основе развития производства лубка в это время. В монографии хорошо показано своеобразие промышленного процесса в этой области — укрупнение мелких предприятий, конкурентная борьба с иностранными фирмами и т. д. Особенно важны материалы по вмешательству государства и церкви в производство и распространение изобразительного лубка в это время. Автор книги полагает, что цензурные комитеты препятствовали распространению среди сограждан «невыгодных суждений и понятий» — невыгодных, конечно, правительству и церкви. Деятельность церковной цензуры прикрывалась заботой о «духовном здоровье народа». Однако главной ее целью было укрепление основ православия и преграждение путей всему тому, что могло бы поколебать церковные догматы. Особенно беспокоилась церковь о запрещении лубков, выпускавшихся различными раскольничьими сектами и могущих иметь вредное влияние на необразованных сельских обывателей. Иногда духовная цензура являла перебарщивала в своих ригористических требованиях. Так, лубочный лист «Тройка» (1859—1862 гг.), созданный по мотивам популярного стихотворения Н. А. Некрасова «Что так жадно глядишь на дорогу» (художник М. Евстигнеев), — оно, как известно, стало широко распространенной народной песней! — был запрещен цензурой с мотивировкой: «Картина представляет явный соблазн для крестьянской женщины, которая должна быть вполне довольна своим положением» (с. 61). Так что едва ли деятельность духовной цензуры всегда была такой положительной, как об этом говорит автор в заключении к своей книге.

Очень интересны и новые материалы по деятельности офень — основных распространителей лубка, особенно в далеких провинциях, в глухих деревнях. Т. А. Воронина верно отмечает большую культурологическую роль офень, бывших зачастую чуть ли не единственными разносчиками для неграмотных селян свежей информации о столичной жизни и важнейших событиях в стране и за рубежом. Именно офени несли в неграмотную сельскую среду такие факты и знания, которые возбуждали стремление к знаниям, к грамоте и обучению. Известно много случаев, зафиксированных в мемуарах, что именно лубок и был первым материалом для чтения, первым стимулом к постижению основ грамотности.

Раздел об офенях принадлежит к числу самых интересных в монографии. Автор собрала большой материал об их деятельности, привела много фактов, рассказывающих о специфике их работы и их быта. Русские офени — интереснейшее явление культуры и быта того времени. Известно, что в их среде бытовал особый, созданный ими же язык, на котором они общались между собой в целях сохранения коммерческих тайн. Этот факт давно уже известен лингвистам. Работа Т. А. Ворониной дает много дополнительных фактов для дальнейшего исследования этого своеобразного элемента культурной жизни России первой половины XIX в.

Уже первые собиратели и исследователи лубка (И. М. Снегирев, Д. А. Ровинский, В. В. Стасов и др.) установили, что лубочные картинки на религиозные темы почти в два раза превышали по своему объему все картинки с другой тематикой. Этот факт был широко использован русской православной церковью, в частности для доказательства истинного благочестия и боголюбия русского народа. И автор рецензируемой книги в заключении к ней также утверждает, что преобладание картинок на религиозные сюжеты говорит «об устойчивом интересе к этой теме». Отрицать этот естественный для православных людей интерес, конечно, нельзя, но и преувеличивать его значение также едва ли правомерно. Безусловно, это преобладание религиозного изобразительного лубка — следствие целенаправленной политики русской православной церкви, всеми мерами стремившейся утвердить свое лидирующее место в духовном воспитании народа. Отсюда широкое распространение лубочных картинок с изображениями известных служителей церкви — митрополита Афанасия, митрополита Филарета, архиепископа Авраама, игуменьи Доротеи и многих, многих других священнослужителей... При чем тут забота о духовном просвещении народа? Церковь заботилась о своей собственной пропаганде и действовала при этом, умело опираясь на поддерживавшее ее царское правительство. Народ же покупал то, что ему приносили офени, причем зачастую использовал эти изображения церковного характера (как это хорошо сказано в грамоте патриарха Иоакима) «не для почитания образов святых, но для пригожества» (т. е. для украшения интерьера!).

О месте лубка в быту низших слоев населения России первой половины XIX в. автором хорошо и

подробно рассказано в разделе «Лубок в интерьере». Особенно интересен уникальный архивный материал, заботливо собранный Т. А. Ворониной в провинциальных краеведческих музеях, где ею обнаружены лубочные листы, наклеенные на обложки книг и на ткань. Глубоко справедлив вывод автора о том, что «лубок органично вошел в традиционный быт русского человека, сделавшись неотъемлемой принадлежностью его повседневной жизни» (с. 106). Этот вывод с полным правом можно распространить и на вторую половину XIX в. Читатели интересной книги Т. А. Ворониной обрадуются ее обещанию продолжить изучение бытования лубочных картинок в 1870-е годы и позже. Это — превосходная тема историко-этнографического исследования, хорошо обеспеченная источниками и почти не разработанная в исследовательском плане.

Анализ тематики лубочных картинок сделан автором в соответствии с той систематизацией, которая была принята в цензурных комитетах. Против этого можно и не возражать, хотя некоторые группы и могут быть объединены. Анализ произведен профессионально, он богат новыми точными фактами и материалами. Однако с некоторыми выводами автора согласиться трудно. Так, отмечая увеличение числа эстампов с портретами августейших особ в XIX в., Т. А. Воронина полагает, что постоянный спрос на них говорит об устойчивости монархических настроений среди горожан и крестьян. Едва ли здесь уместен такой категоричский вывод. То, что определенная часть русского населения первой половины XIX в. была монархически настроена, — факт бесспорный. Но только часть! Постоянная и упорная публикация портретов членов царского семейства, причем значительными тиражами, — это всего лишь следствие последовательно проводимой обработки населения в монархическом духе, сознательно осуществлявшейся правительством. Другая тематика лубочных картинок нередко менялась вместе с изменением исторической обстановки (например, листы с батальной тематикой). Монархия же оставалась неизбежной — и потому так стабильно и неизменно тиражировались листы с изображением монарха и его окружения в народе.

В заключение хочу остановиться на одном терминологическом вопросе. Обобщающее понятие «лубок» включает в себя по крайней мере три самостоятельные термина: «лубочный лист» (т. е. одно изображение с минимальной подписью под ним), «лубочную картинку» (т. е. сюжетное изображение с более или менее распространенным текстом, причем с явным стремлением к его распространению со временем) и «лубочная книга» (т. е. как с иллюстрациями, так и без них). Автор упоминает об этих терминах, но никак не различает листы и картинки. А ведь это разные этапы развития лубка, требующие различного к ним подхода. На мой взгляд, Т. А. Воронина значительно обогатила бы свое исследование, если бы проследила развитие лубка в этих двух ипостасях. Оставлена ею в стороне и проблема использования лубочных листов в качестве иллюстраций в лубочных книжках, а ведь здесь есть свои весьма интересные нюансы! Вначале лубочные книжки иллюстрировали те же художники, которые создавали и лубочные картинки. Со временем иллюстрирование лубочных книжек вылилось в самостоятельную отрасль производства, хотя тенденция оформления обложки лубочной книжки долго еще развивалась в русле трансформирования лубочной картинки.

Рецензируемую монографию заключает приложение из 20 очень важных таблиц. Они составлены самим автором по архивным источникам и дают сведения о представленных в цензуру лубочных картинках в разное время с 1828 по 1870 гг. Большой и кропотливый труд, проделанный автором, дает в руки исследователей богатейший и достоверный материал для дальнейшего анализа лубочных картинок. В таблицах представлены имена производителей и торговцев лубочными картинками, что само по себе является драгоценным подарком для исследователей.

Хорошо, что в книге есть краткая аннотация на английском языке, дающая представление о содержании этой интересной книги, полезной не только для русского, но и для иноязычного читателя. Но вот дойдет ли до него эта книга? Мизерный тираж монографии (200 экз.) огорчителен и удручающ... С грустью вспоминаются строки:

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и могучая,
Ты и бессильная, матушка Русь!

Полное несоответствие высокого научного потенциала рецензируемой монографии и бессмысленно-малого ее тиража — лучшая иллюстрация к горьким строкам Н. А. Некрасова. Остается также только пожалеть, что книжка, посвященная изобразительному лубку, вышла в свет почти без иллюстраций... Как бы выграла и книга, и, главное, ее читатель, если бы рассказ автора был проиллюстрирован хотя бы минимальным количеством наиболее ярких образцов из такого богатого и разнообразного по тематике корпуса русских лубочных картин!

Я хорошо осознаю отсутствие здесь какой-либо вины автора книги. На безрыбье и рак рыба. Хорошо, что хоть в таком виде и с таким тиражом эта монография увидела свет в трудных условиях современного книжного рынка. И я пишу это только в надежде на то, что если все рецензенты выходящих в наши дни научных книг будут упоминать об этом, то, возможно, глас вопиющих дойдет до власти имущих и положение изменится. Надо бить во все колокола, надо требовать, чтобы научная продукция имела бы достойный ее тираж. Книга Т. А. Ворониной принадлежит к тем изданиям, которые заслуживают самого широкого распространения.